Оригинальная статья / Original article
УДК 340

Преступление и состав преступления как социальные и правовые явления и понятия с позиций диалектики общего, особенного и единичного в праве

© Е.А. Куликов
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

***Аннотация*:** Постановка вопроса о проявлениях категорий диалектики в уголовном праве не является характерной для российской уголовно-правовой науки. Отдельные работы освещают некоторые вопросы – объективное и субъективное в преступлении, время и сроки в уголовном праве, детально исследованы причина и следствие. Категории общего, особенного и единичного выступают как нечто очевидное и само собою разумеющееся, ученые при исследовании уголовно-правовых явлений оставляют «за скобками» анализ специфики проявлений этих категорий в правовой материи. Их особенность состоит в особой взаимосвязи с правом как явлением конструируемой реальности. Человек создает право, использует систему понятий и правил их употребления в правовых текстах. В связи с этим субъект правотворчества должен учитывать объективно существующие закономерности функционирования понятийной сферы. Преступление есть не только реальное социальное явление, но и его юридическая характеристика – несколько уровней законодательного понятия о нем. На этих уровнях категории общего, особенного и единичного определяют взаимосвязь понятий преступления. Кроме того, преступление – юридически обособленная на основе социальных признаков разновидность явлений другого уровня – правонарушений, юридических фактов. Особенности понятий этих явлений как общее проявляются в понимании преступления. Его состав, как понятие, функционирует в юридической науке по тем же закономерностям. Хотя мы имеем дело с достаточно очевидными вещами, но некоторые дискуссии в науке уголовного права России ставят вопрос о соблюдении закономерностей общего, особенного и единичного при определении понятий уголовно-правовых явлений. Статья ставит вопросы об этих закономерностях, автор предпринимает попытку дать на них ответ с учетом существующих теоретических концепций.

Ключевые слова: диалектика уголовного права, категории диалектики, состав преступления, преступление, системность права, правонарушение

Благодарности: Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 20-011-00121 «Теория общего, особенного и единичного в уголовном праве России: методологические, технико-юридические и прикладные аспекты».

Для цитирования: Куликов Е.А. Преступление и состав преступления как социальные и правовые явления и понятия с позиций диалектики общего, особенного и единичного в праве // *Социальная компетентность*. 2020. Т. 5. № 4. С. 432–450.

Crime and corpus delicti as social and legal phenomena and concepts from the perspective of dialectic of general, specific and individual in law

© Egor A. Kulikov
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract: Raising an issue of manifestations of the categories of dialectics in criminal law is not typical for Russian criminal law science. Several works highlight some issues - objective and subjective in a crime, time and terms in criminal law; the cause and effect are considered more particularly. The categories of the general, specific and individual appear to be obvious and axiomatic. When studying legal phenomena researchers leave aside the analysis of the specifics of the manifestations of these categories in legal matter. The specificity of these categories is in a special relationship with law as a phenomenon of constructed reality. A person creates law, uses a system of concepts and rules for their use in legal texts. In this regard, the subject of lawmaking must take into account the objectively existing patterns of functioning of the conceptual sphere. A crime is not only a real social phenomenon, but also its legal characteristics, several levels of the legislative concept about it. At these levels, the categories of general, specific and individual determine the relationship between the concepts of crime. Moreover, a crime is a type of phenomena of a different level, legally isolated on the basis of social characteristics - offenses, legal facts. The features of the concepts of these phenomena as a general one

are manifested in the understanding of crime. The corpus delicti as a concept functions in legal science according to the same patterns. Although we deal with fairly obvious things, some discussions in the science of criminal law in Russia raise the question of compliance of patterns of the general, specific and individual in defining the concepts of criminal law phenomena. The article opens the questions about these patterns; the author attempts to answer these questions taking into account the existing theoretical concepts.

Keywords: dialectics of criminal law, categories of dialectics, corpus delicti, crime, systematic law, offense

Acknowledgments: The manuscript was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 20-011-00121 "Theory of the general, specific and individual in the criminal law of Russia: methodological, technical, legal and applied aspects".

For citation: Kulikov E.A. (2020) Crime and corpus delicti as social and legal phenomena and concepts from the perspective of dialectic of general, specific and individual in law. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence.* Vol. 5. No. 4. P. 432–450. (In Russ.)

Введение

Общее, особенное и единичное, согласно концепции Г.В.Ф. Гегеля, характеризуют понятие как форму мышления (Гегель, 1972). Речь идет о единичном, особенном и общем понятии как разных уровнях абстракции при восприятии действительности. Любое понятие, в свою очередь, – это «мысль, в которой обобщены в класс и выделены из некоторого множества предметы по системе признаков, общей только для этих выделенных предметов» (Ивлев, 2020). Таким образом, само по себе понятие уже выступает определенным уровнем обобщения, включая в себя признаки определенной группы явлений, обозначаемых данным понятием.

В правовом мышлении выделяют два стиля: индуктивный, характерный для англосаксонской правовой традиции, и дедуктивный, присущий романо-германской правовой традиции. Первый предполагает движение от частного к общему, второй – обратный процесс, когда некоторое общее положение приспосабливается для конкретного случая, происходит его квалификация. Формирование общих понятий о явлениях в любом случае, независимо от стиля юридического мышления, происходит при движении от единичного к особенному, а затем к общему. Д.А. Керимов пишет: под отдельным в праве следует понимать единичное правовое явление, совокупность свойств которого определяет его специфику и тем самым отличает от всех других явлений (правовых и неправовых); при всем множестве отдельных правовых явлений исключается абсолютная тождественность хотя бы двух из них; под общим в праве следует понимать единство всех правовых явлений, выраженное в сходстве или общности их свойств, связей и отношений; в каждом отдельном заключаются предпосылки, стороны, элементы общего, имеющие значение его сущности; общее вместе с отдельным составляют взаимодействующее единство, конкретное проявление такого единства и есть особенное; под особенным в праве понимается именно такое единство общих и отдельных правовых проявлений в конкретной действительности; особенное в праве всегда представляет собой качественное определенное, конкретное бытие системно объединенных общих и отдельных свойств, черт, параметров правовых явлений (Керимов, 1972). В данном случае автор рассматривает отдельное и единичное, согласимся с его позицией. В предметном поле любой отрасли права присутствуют единичные явления, нормативные или доктринальные понятия о них, представляющие определенный уровень обобщения, а также общие понятия, обозначающие целостные группы единичных правовых явлений. Такие понятия иногда называются категориями для той или иной отрасли права. Уголовное право в этом случае не исключение. Опираясь на философско-правовые положения, высказанные выше, рассмотрим, прежде всего, первое из центральных уголовно-правовых явлений – преступление и понятие о нем с точки зрения категорий общего, особенного и единичного.

Материалы и методы

Исследование категорий диалектики в правовой сфере опирается на диалектический подход к познанию явлений и процессов. Этот подход предполагает не просто познание явления в его развитии, но в данном случае опирается на категории и законы диа-

лектики. Категории диалектики применительно к предмету настоящего исследования выступают инструментом познания сущности и содержания уголовно-правовых явлений. Общее, особенное и единичное, как характеристики понятия, обращены на уголовно-правовое понятие преступления и его разновидности, а также на уголовно-правовое понятие состава преступления и его конструктивные свойства.

Восхождение от конкретного к абстрактному и восхождение от абстрактного к конкретному выступают ключевыми методами при определении уровней исследования понятий преступления и состава преступления (Сырых, 2012. С. 406–415). Эти познавательные инструменты применяются параллельно категориям общего, особенного и единичного, и показывают переход между этими категориями в процессе познания их проявлений в уголовно-правовых понятиях и явлениях. Также автор, наряду с философскими, использует и собственно юридические методы – формально-юридический (догматический), исследуются правовые тексты в статике и в ретроспективе, и соответствующие им доктринальные конструкции.

Результаты

Категории общего, особенного и единичного в учении о преступлении. Начать необходимо с определения единичного в исследуемом вопросе. Таковым следует считать отдельно взятое встречающееся в реальности явление. В науке уголовного права определяется понятие единичного преступления. А.П. Козлов дает такую трактовку: под единичным преступлением следует понимать одномоментное деяние или систему многомоментных функционально и субъективно связанных телодвижений или их отсутствие, направленных на единый для них общественно опасный результат, нашедших отражение в диспозиции нормы или определенной ее части; таким образом, единичное преступление преимущественно характеризует реальное деяние, которое смоделировано в какой-то диспозиции нормы УК как в целом соответствующее или соответствующее только какой-то части диспозиции (Козлов, 2011). Несмотря на то, что автор употребляет прилагательное «единичное» по отношению к преступлению, из даваемого им определения вытекает, что речь идет не о единичном явлении, противостоящем общему, а о единичном явлении, противостоящем нескольким таким же явлениям, образующим иное качество в рамках уголовного права. В этой связи терминологически точнее другая позиция: под едиными преступлениями следует понимать общественно опасные деяния, характеризующиеся взаимосвязанными субъективными и объективными признаками, часто встречающимися в объективной действительности именно в таком сочетании, а также содержащие признаки, как правило, одного состава преступления и квалифицируемые по одной статье или части статьи (Зинченко, 2005). Ученые, анализирующие понятие «единичное преступление», имеют в виду конструкцию «единое преступление». Отсюда получается, что уголовно-правовое понятие «единичное преступление» опирается не на категориальную связку «единичное-особенное-общее», а на связку «одно-много».

Без ответа остается вопрос о единичном применительно к понятию преступления. Если отталкиваться от выше приведенных рассуждений Д.А. Керимова об отдельном, особенном и общем в праве, то получается, что единичным в преступлении выступает конкретный поведенческий акт с конкретными последствиями, конкретного субъекта, определяемого индивидуальными признаками, направленный на конкретный объект уголовно-правовой охраны (конкретные общественные отношения, или же конкретную социальную ценность), находящийся в причинной связи с негативными изменениями в этом объекте при определенном психическом отношении к содеянному. То есть единичное преступление – это преступление с индивидуально определенными признаками. Единичное преступление имеет предметный, социальный характер. По отношению к нему то преступление, которое описано в норме уголовного права, уже будет выступать особенным явлением, результатом определенного обобщения, характеризуемым не индивидуальными, а видовыми признаками.

Необходимо также разграничить единич-

ное преступление как явление и как понятие о нем, поскольку категориальная связка общее – особенное – единичное, как выше было сказано, имеет дело не с явлениями, а с понятиями, не с бытием преимущественно, а с мышлением. В уголовном законе единичное преступление как отдельное явление не может быть отражено, т. к. любая норма права есть результат обобщения. Значит, понятие о каждом конкретном единичном преступлении должно содержаться в других источниках. Таковыми выступают процессуальные документы уголовного дела, и, прежде всего – итоговое решение (приговор). Следовательно, в точном смысле слова единичное преступление представляет собой конкретный поведенческий акт отдельно взятого индивида (или группы лиц), существенные и значимые для уголовного права признаки которого раскрыты, установлены и доказаны в приговоре суда по конкретному уголовному делу.

Однако право, в том числе уголовное, состоящее из норм со всеми присущими им свойствами, не может оперировать с единичными объектами, и они проходят определенный этап обобщения. На таком этапе в науке уголовного права формируются понятия преступлений, фиксирующие наиболее типичные признаки единичных преступлений определенного вида. Например, такое определение убийства предлагает Н.А. Лопашенко: под убийством следует понимать общественно опасное, запрещенное уголовным законом и наказываемое в соответствии с его нормами деяние (действие или бездействие), посягающее на жизнь другого человека, как неотъемлемое его благо, заключающееся в умышленном причинении этому человеку смерти (Лопашенко, 2018). В этом определении одного из видов преступлений – убийства, – можно увидеть существенную степень обобщения, достаточную для того, чтобы сделать вывод о том, что оно определяет не единичное явление, а совокупность явлений, объединяя их общие признаки, но, не затрагивая при этом детали или частности. Поэтому по отношению к отдельно взятому эпизоду убийства, описываемому в процессуальных документах по конкретному уголовному делу, такое понятие убийства будет общим, а отдельный конкретный акт убийства – единичным. Стоит также отметить, что между общим понятием убийства и единичным убийством стоит особенное – виды убийства, к которым относят квалифицированные, привилегированные виды убийств, простое убийство, в которых, наряду с общими признаками убийства, будут присутствовать дополнительные, носящие однако типовой характер, например, убийство с особой жестокостью, или по найму.

Соотношение категорий общего, особенного и единичного здесь видится в следующем. Некоторое количество единичных явлений убийства можно объединить между собой в группу по ряду общих признаков, например, по наличию корыстных побуждений, или же по способу (общеопасный способ). Убийство общеопасным способом по отношению к отдельным эпизодам такого убийства будет выступать общим, но, в свою очередь, вместе с аналогичными группами убийств, по отношению к общему понятию убийства является особенным. Единичное убийство включает все признаки конкретного деяния, установленные, доказанные и описанные в процессуальных актах, прежде всего, в приговоре. Вид убийства акцентирует на определенном признаке, группирующем подобные деяния по этому признаку, которые при этом в отдельных деталях могут различаться, но по признаку «убийство общеопасным способом» группироваться и обособливаться от подобных единичных явлений, не имеющих этого специфичного признака. Общее понятие убийства при этом объединяет все случаи умышленного причинения смерти другому человеку, не обращая внимание на детали такого причинения. В общем понятии сосредоточены те признаки, которые объединяют значительную группу явлений, при этом отдельные признаки этих явлений опущены, в особенном понятии в свою очередь присутствуют признаки из общего понятия, и специфические для данной отдельной группы явлений свойства. Наконец, для понятия единичного явления характерно наличие и общих, и особенных признаков, и индивидуальных характеристик данного явления. Правило здесь следующее: всякое единичное преступление должно содержать в себе все общие и особенные признаки того вида пре-

ступлений, к которому оно относится. Общее всегда проявляется в единичном, и проявляется через особенное, общее и особенное фиксируют видовые признаки единичного, позволяющие группировать объекты, в нашем случае – конкретные отдельно взятые преступления.

Однако, следуя ещё одной диалектической закономерности общего, особенного и единичного о том, что общее явление, как правило, выступает особенным для другого, более общего, и так вплоть до уровня всеобщего, мы не можем остановиться при анализе преступления через призму данной категориальной связки только на понятии вида преступления. Необходимо двигаться дальше по уровням абстракции. В сравнительном плане рассмотрим понятие другого вида преступлений, даваемое юридической наукой. По уровню абстракции с понятием убийства сопоставимо понятие хищения, которое определяется примечанием 1 к ст. 158 УК РФ и раскрывается в уголовно-правовой литературе. Н.А. Лопашенко в качестве базового определения понятия «хищение» берёт его законодательную трактовку – под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества (Лопашенко, 2011).

Для сравнения можно привести позицию С.А. Елисеева, который выступает противником закрепления в законодательстве определения понятия «хищение», и утверждает, что «в тексте УК РФ хищение является излишней законодательной конструкцией, производной по своему происхождению и усложняющей в конечном счете как уголовно-правовые нормы, так и процесс их применения». При этом С.А. Елисеев определяет другое достаточно абстрактное понятие в означенной области, а именно – преступление против собственности: «Это предусмотренное в УК РФ виновное общественно опасное деяние, нарушающее, посредством противозаконного изъятия имущества из обладания собственника, его правомочия по владению, пользованию, распоряжению имуществом, лишающее собственника блага извлечения полезных свойств из принадлежащего ему объекта собственности» (Елисеев, 1999). Вполне можно соотнести данное понятие с понятием хищения как общее и особенное (аналогично соотносятся, например, понятие убийства и понятие посягательства на жизнь), поскольку в содержании первого и последнего присутствуют сходные признаки, можно заключить, что хищение находится в рамках преступления против собственности, с другой стороны, в понятии хищения существует и ряд специфических черт, выделяющих его среди других способов посягательства на собственность.

А.И. Бойцов также как и Н.А. Лопашенко не оспаривает законодательное понятие хищения, он, в частности, пишет, что «понятие хищения играет роль родового по отношению к видовым понятиям кражи, присвоения и других преступлений против собственности, имеющих ряд общехарактерных объективных и субъективных признаков, объединяющих данную группу имущественных посягательств под рубрикой «хищение» (Коробеев, 2008). Таким образом, доктринальное понятие хищения нашло отражение в уголовном законе и содержит ряд общих признаков, позволяющих сформировать группу однопорядковых уголовно-правовых явлений, каждое из которых может быть названо «хищение». При этом каждое такое явление и его зафиксированное в уголовно-процессуальных документах понятие будет выступать единичным по отношению к общему понятию хищения, то есть будет содержать весь набор признаков хищения и специфические собственные черты.

Однако никого нельзя привлечь к ответственности за «хищение вообще». Конкретизируя, с одной стороны, общее понятие хищения, группируя, с другой стороны, единичные хищения, наука уголовного права определяет виды и формы хищений. При этом они классифицируются по размеру, или ценности предмета хищения – мелкое, простое, хищение, причинившее значительный ущерб, хищение в крупном размере, в особо крупном, предметов, имеющих особую ценность. Здесь действуют аналогичные закономерности проявления общего, особенного и единичного, как и при убийствах – вид хищения

будет выступать по отношению к хищению как особенное, отдельно взятый эпизод хищения при этом выступает единичным. То же самое можно сказать и про формы хищения, сущность каждой из которых определяется способом его совершения, в связи с чем по общепринятой позиции выделяют кражу, ненасильственный грабеж, насильственный грабеж, разбой, мошенничество, присвоение, растрату. Способ будет выступать показателем особенного по отношению к общему понятию хищения и, в свою очередь, группировать единичные хищения, совершенные таким способом.

Таким образом, на уровне отдельных видов преступлений категории общего, особенного и единичного проявляются в полном объеме. Диалектикой, впрочем, определяются не только сами названные категории, но и закономерности их взаимосвязи. Так, особенное составляют признаки, присущие каждому единичному в той или иной группе. Общее, в свою очередь, аккумулирует в себе свойства, присущие каждому особенному, и каждому единичному в этом особенном. Если то или иное особенное, например, содержит иные признаки, чем установлены в общем, то это особенное связано не с этим, а с другим общим. Следовательно, определяя виды преступлений в законодательстве, и фиксируя затем признаки единичных преступлений в процессуальных документах, необходимо для правильной квалификации преступления отражать и общие, и особенные признаки в полном объёме, а уже затем описывать единичные черты деяния (Куликов, 2020). Если, например, общее мошенничество определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, то каждое особенное мошенничество также совершается именно этими двумя признаками, иначе происходит грубое нарушение диалектических закономерностей, и слово, употребляемое для обозначения преступления, теряет или размывает свой исходный смысл, перестает адекватно восприниматься правосознанием, уголовно-правовой запрет ослабляется с точки зрения регулятивного воздействия, что в дальнейшем ведет к развитию нигилистического отношения к закону в целом.

Общие понятия хищения, убийства и т. п., в свою очередь, выступают особенным по отношению к понятиям преступления против жизни, преступления против собственности и т. п. Последние, в свою очередь, составляют особенное по отношению к общему понятию преступления, к анализу которого мы переходим. Уровень обобщения уголовно-правового материала привел к тому, что наукой было выведено и юридически оформлено определение преступления. Законодательно на достаточно высоком уровне оно было оформлено уже в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а в современном виде в наборе присущих ему признаков может считаться одним из совершенных определений уголовно наказуемых деяний. Характерным выражением доктринальных достижений советского уголовного права в области определения общего понятия преступления выступает предложенная и прокомментированная Н.Ф. Кузнецовой ст. 17 Теоретической модели уголовного закона. «(1) Преступлением является общественно опасное, виновное действие или бездействие, посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, социалистическую собственность, личность, права и свободы граждан, иные социалистические общественные отношения и запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. (2) Общественно опасным признается такое действие или бездействие, которое причиняет или создает возможность причинения ущерба социалистическим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом» (Кудрявцев, 1987).

Итак, преступление определяется как деяние (действие или бездействие), которое характеризуется уголовной противоправностью (запрещенность уголовным законом) и уголовной наказуемостью (под угрозой наказания), общественной опасностью (способностью причинять вред или создавать угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом ценностям), а также наличием вины у субъекта. Преступление – это не любое деяние в форме действия либо бездействия, а то, которое характеризуется всем набором необходимых признаков. Можно утверждать,

что перед нами одно из предельно общих для уголовного права понятий и наиболее общее его определение. Третий компонент (наряду с термином и определением) понятия – это его признаки. Традиционная для науки уголовного права система признаков преступления такая: 1) деяние в форме действия либо бездействия (родовой признак); 2) уголовная противоправность; 3) уголовная наказуемость; 4) общественная опасность; 5) виновное совершение (признаки со второго по пятый выступают видовым отличием). Любое, характеризуемое набором перечисленных признаков деяние, есть преступление, равно как и любое преступление должно характеризоваться всем этим набором признаков.

Перед нами общее понятие преступления, не имеющее реального эквивалента, поскольку не существует преступления вообще, а объединяющее наиболее общие и типичные признаки всех преступлений, которые встречаются в каждом единичном преступлении, объединяют все эти единичные явления в группу «преступления», а с другой стороны, позволяют отграничить преступления от других близких, но непреступных единичных явлений. Особенное по отношению к данному общему понятию будут составлять различные видовые понятия преступлений при классификации последних по различным основаниям. Наконец, единичное понятие и соответствующее ему единичное явление преступления – это отдельно взятое конкретное преступное деяние, совершенное конкретным лицом при конкретных обстоятельствах.

Таким образом, можно построить следующую цепочку общее – особенное – единичное: общее понятие преступления – вид преступления – отдельно взятое конкретное преступное деяние. В рамках уголовного права преступление выступает общим понятием, объединяющим ряд особенных понятий разного уровня, и множество единичных явлений и понятий о них. Однако, преступление – не единственное понятие такого уровня в рамках уголовного права. О наказании речь впереди, хотя наказание по уровню абстракции все же несколько ниже преступления, здесь, скорее, речь идет об уголовной ответственности, или даже в целом о правовых последствиях совершения уголовно наказуемого деяния. Но само по себе преступление как общее понятие, и как единичное понятие и соответствующее ему явление, выступает взаимосвязанным только с двумя типами уголовно-правовых отношений – это отношения уголовно-правового запрета и отношения уголовной ответственности. Для первых преступление есть понятие о запрещенном виде поведения, который становится таковым при вступлении в законную силу соответствующей нормы уголовного права. Следовательно, в отношениях уголовно-правового запрета фигурирует преступление, а поскольку статус таких отношений определяется как отношения общерегулятивные, имеющие степень конкретизации, сопоставимую с конкретизацией правовой нормы, постольку с такими отношениями связано особенное понятие преступления (то, что мы рассмотрели ранее – понятие о видовом преступлении). Ко второй группе уголовно-правовых отношений привязано уже единичное преступление, поскольку речь идет о таких отношениях, которые вызваны к жизни конкретным юридическим фактом единичного преступного деяния.

Помимо этих двух групп уголовно-правовых отношений отечественная доктрина выделяет ещё и регулятивные уголовно-правовые отношения, т. е. отношения, которые подпадают под действие норм уголовного права, но вызываются к жизни не преступлением, а деянием, которое по тем или иным причинам преступлением не является, и применения мер уголовной ответственности не влечет. Д.А. Гарбатович к видам таких деяний относит: 1) общественно опасное деяние невменяемого; 2) малозначительное деяние; 3) положительное посткриминальное поведение; 4) правомерное причинение вреда; 5) невиновное причинение вреда (Гарбатович, 2017. С. 15). К этим видам можно добавить ещё и 6) добровольный отказ от преступления. Третья разновидность вызывает возражения, поскольку саму преступность деяние не исключает, а выступает лишь основанием прекращения уголовно-правовых отношений, причем, если обратиться к УПК РФ, основанием, не дающим права на реабилитацию. Однако, позитивное послепреступное поведение, то же деятельное раска-

яние, нельзя отнести и к преступлениям тоже. Получается, что это какое-то ещё уголовно-правовое явление, нуждающееся в отдельном рассмотрении.

Как видно, в общем и целом это довольно разные по юридической природе и содержанию уголовно-правовые явления, объединяет их то, что они охватываются двумя из трех реабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования: это либо отсутствие события преступления, либо отсутствие состава преступления. Малозначительное деяние, а также правомерное причинение вреда, предусмотренное главой 8 УК РФ, некоторыми нормами Особенной части УК РФ, а также рядом других актов, говорят об отсутствии события преступления (об этом, в частности, свидетельствует наличие в их конструкции оборота «не является преступлением»), а общественно опасное деяние невменяемого (либо лица, не достигшего любого из четырех видов возраста уголовной ответственности), добровольный отказ от преступления и невиновное причинение вреда (казус, непреодолимая сила, извинительная субъективная ошибка) свидетельствуют об отсутствии состава преступления. Общее понятие непреступных уголовно-правовых деяний, такое же общее как и понятие преступления, с учетом сказанного и при первом приближении может выглядеть следующим образом: это деяние, предусмотренное уголовным законом, но не являющееся преступлением либо по причине отсутствия события преступления, либо по причине отсутствия состава преступления в действиях лица, такое деяние совершившего.

Здесь мы пойдем по иному пути, нежели при накладывании связки общее-особенное-единичное на понятийную ветвь «преступление», а именно по дедуктивному, двигаясь от общего понятия к особенному на различных уровнях, и далее – к единичному. Причина – поднявшись до уровня абстракции, соответствующего понятию «преступления», мы обнаружили в сфере уголовно-правового регулирования подобное ему по степени общности понятие «непреступное уголовно-правовое деяние», и, отталкиваясь от него, будем спускаться до уровня абстракции, соответствующего единичному преступлению, чтобы установить единичное явление и понятие, обозначающее это явление.

Особенное по отношению к общему понятию непреступного уголовно-правового деяния составляют их виды. Прежде всего, исходя из предусмотренных УПК РФ оснований прекращения уголовного преследования (сознательно не берем здесь в расчет «чистое» процессуальное основание прекращения уголовного преследования – непричастность лица) можно выделить деяния, непреступные в связи с отсутствием события преступления, и деяния, непреступные в связи с отсутствием состава преступления. Для первых характерно формальное наличие состава преступления, но отсутствие значимых характеристик для признания деяния преступлением, для вторых – наличие деяния с признаками преступления, но отсутствие состава преступления.

Деяния, непреступные по причине отсутствия события преступления – это малозначительные деяния и деяния, образующие обстоятельства, исключающие преступность. Это полноценные деяния, имеющие объект, объективную и субъективную стороны и субъекта, но не имеющие, например, общественной опасности, либо непреступные в силу их социальной полезности или социальной допустимости (необходимости). Вред, а также угроза причинения вреда, т. е. общественная опасность, отсутствует, в случае с малозначительностью. Попутно отметим, что традиционное расположение понятия малозначительности вместе с понятием преступления в одной статье уголовного закона, дают основание А.Э. Жалинскому считать определение малозначительного деяния негативным определением преступления, т. е. определением, указывающим на то, что из признанного уголовным законом преступлением, в конкретном случае преступлением не является (Жалинский, 2011).

Подобную конструкцию, но несколько иную природу имеют обстоятельства, исключающие преступность деяния. В доктрине уголовного права России данному понятию даются различные трактовки, определяющие круг входящих в это особенное единичных явлений. По мнению С.В. Землюкова, «под обстоятельствами, исключающими преступ-

ность деяния, должны признаваться указанные в Общей части УК РФ обстоятельства, при наличии которых деяние, формально причинившее вред охраняемым уголовным законом отношениям, не является преступлением ввиду отсутствия общественной опасности, вины и противоправности» (Землюков, 2005. С. 14). Ю.Е. Пудовочкин пишет, что «обусловленное фактом реализации естественного права отсутствие уголовной противоправности в совокупности с вынужденностью, оправданностью и полезностью с социальной и правовой точек зрения полностью характеризует деяния, преступность которых исключается в силу предписаний главы 8 УК РФ» (Пудовочкин, 2010. С. 52). В.А. Блинников, который, кстати, как раз относит рассматриваемые обстоятельства к ситуациям отсутствия события преступления, дает следующее видение обстоятельства, исключающего преступность деяния: «Это наличие реального внешнего фактора, воздействие которого на лицо исключает противоправность причинения последним вреда интересам, охраняемым уголовным законом, при соблюдении критериев допустимости» (Блинников, 2007. С. 19). С.В. Пархоменко предлагает собственный вариант видения данных обстоятельств: «Деянием, преступность которого исключается, признается такое действие (бездействие), которое хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но согласно специальному предписанию преступлением не является» (Пархоменко, 2004. С. 85). В другом месте она обосновывает, что в полном виде обстоятельства, предусмотренные главой 8 УК РФ, нужно обозначать термином «деяния, преступность которых исключается в силу их социальной полезности и необходимости» (Пархоменко, 2004. С. 146). Тем самым терминологически подчеркивается социальная природа данных обстоятельств. Первое же определение, даваемое С.В. Пархоменко, подчеркивает родство этих обстоятельств с малозначительностью деяния.

Дабы не вдаваться в дискуссию по поводу определения и юридической природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, отметим общее их с малозначительностью, что позволяет объединить их в единую группу непреступных уголовно-правовых деяний, а затем укажем и на отличия. И малозначительность, и предусмотренные главой 8 УК РФ обстоятельства исключают преступность содеянного в силу его социально-юридических характеристик – отсутствия общественной опасности, социальной полезности, либо социальной допустимости в силу необходимости. Различие же между ними, составляющее их особенное по отношению к общему «исключение события преступления», заключается в том, что при малозначительности отсутствует вред либо его угроза, а при предусмотренных главой 8 УК РФ обстоятельствах мы имеем дело со случаями причинения вреда, признанного при выполнении предусмотренных уголовным законом условий правомерным.

Ограничимся группой обстоятельств, предусмотренных главой 8 УК РФ, поскольку с остальными группами непреступных уголовно-правовых деяний схему общее-особенное-единичное можно применить аналогичным образом. По отношению к этим обстоятельствам общим будет выступать понятие «обстоятельства, исключающие преступность деяния», особенным же, в свою очередь, выступят классификационные группы этих обстоятельств. Представляется, что наименее дискуссионной и соответствующей положениям теории права, выступает классификация названных обстоятельств по видам правомерного поведения, которые они представляют. Необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, в силу их характера как противодействующих преступности форм поведения, как уголовно-правовой формы реализации гражданами конституционного права на защиту своих прав всеми законными средствами, а также обоснованный риск по причине наличия у него такого условия, как общественно полезная цель, составляют группу социально полезного правомерного поведения. Крайняя необходимость, где мы не говорим о пользе, а лишь соизмеряем вред, физическое или психическое принуждение, где перед нами непреодолимая сила, либо все та же крайняя необходимость, равно как и исполнение приказа или распоряже-

ния, позволяющее ссылаться на существующую в государстве властную иерархию как на в некоторых пределах оправдывающее обстоятельство, – эти три обстоятельства такой очевидной полезностью не обладают, поэтому их можно отнести к видам социально допустимого правомерного поведения. В итоге мы доходим до конкретных видовых конструкций, предусмотренных УК РФ актов правомерного поведения, где, например, понятие необходимой обороны будет выступать крайним особенным понятием, и по уровню абстракции соответствовать понятию отдельного преступления, запрещенного другим типом уголовно-правовой нормы. Единичным, в свою очередь, непреступным уголовно-правовым деянием будет выступать отдельно взятый эпизод необходимой обороны, описанный в процессуальных документах, включая оправдательный приговор, или постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления.

Таким образом, перед нами две условные ветви проявления категорий общего, особенного, единичного в уголовном праве, одну из которых венчает общее понятие преступления, единичным является конкретное преступное деяние, описанное в процессуальных документах, а между ними на многих уровнях располагаются различные особенные понятия. Вторая ветвь пролегает от непреступного уголовно-правового деяния к отдельному деянию, составляющему, например, необходимую оборону. Также через сопоставимую серию уровней особенных понятий. Эти ветви самостоятельны, доктрина уголовного права пока не сформулировала более общего уголовно-правового понятия, которое объединяло бы и преступление, и непреступное уголовно-правовое деяние. Причин можно назвать, по меньшей мере, три: 1) субъективно это ещё никому просто не приходило в голову, либо никто не попытался обосновать соответствующую концепцию, либо она существует в виде экзотики, недоступной широкой научной общественности; 2) объективно в этом просто нет необходимости; 3) ещё более объективно это принципиально разные между собой понятия, каждое из которых выступает особенным по отношению к собственному общему, но уже на общеправовом уровне. Преступление есть особенное правонарушение, а непреступное уголовно-правовое деяние – особенное для правомерного поведения. Помимо того, что речь идет в общем о разных цепочках уголовно-правовых понятий, за ними стоят и существенно отличающиеся по социальной (предметной) сущности явления.

Поднимемся ещё на один уровень абстракции. Преступление, наряду с административным правонарушением, налоговым правонарушением, гражданско-правовым деликтом и дисциплинарным проступком выступает видом правонарушения, а последнее, в свою очередь, играет роль общего по отношению к преступлению и другим видам правонарушений. По определению С.С. Алексеева, правонарушения – это виновные противоправные действия, приносящие вред социалистическому обществу. При этом ученый выделяет и более общее понятие – неправомерные действия, под которым понимает волевое поведение, которое не соответствует правовым предписаниям, ущемляет субъективные права, не согласуется с возложенными на лиц юридическими обязанностями (Алексеев, 2010. С. 348–349). Стоит отметить, что в том же ряду, что и правонарушение, находятся объективно противоправное деяние и злоупотребление правом, общим для них всех будет выступать понятие «противоправное поведение». Среди современных авторов А.А. Гогин дает подробное определение правонарушения: это противоправное, социально вредное, виновное, конфликтное поведение деликтоспособного лица, определяемое духовными, нравственными, культурными, религиозными, экономическими и политическими отношениями, юридическая ответственность за которое установлена мерами отечественного отраслевого законодательства (Гогин, 2016. С. 102). Он также, вслед за другими учеными, выделяет ряд пограничных правонарушению явлений: злоупотребление правом, риск, правовая ошибка, объективно-противоправное поведение (Гогин, 2016. С. 195). Думается, однако, что далеко не все названные варианты можно считать самостоятельными разновидностями пограничного поведения, не относящегося ни к правонарушению, ни к правомерно-

му поведению. Риск как таковой может быть как правомерным риском, если соблюдены все условия его правомерности, и, в то же время, может отказаться и неправомерным, если субъект проявил легкомыслие и т. п., правовая ошибка либо исключает вину, и тогда лицо является совершившим объективно противоправное деяние, либо вины не исключает, и там, где допускается неосторожная форма вины, не исключает и преступности, самой по себе правовой ошибки быть не может. Получается, что действительно пограничными правонарушению, смежными с ним, особенными вместе с ним по отношению к понятию «неправомерное поведение» выступают объективно противоправное деяние (когда есть объективные признаки правонарушения, но нет субъективных) и злоупотребление правом (когда буква закона не нарушается, но нарушается его смысл, цели, принципы, задачи и т. п., т. е. происходит не прямое нарушение конкретной нормы, а правопорядок в целом) (Куликов, 2016. С. 131). Что характерно, часть ранее рассмотренных непреступных уголовно-правовых деяний, в частности, невиновное причинение вреда, или деяние невменяемого, как раз будут выступать видами объективно противоправного деяния, особенными по отношению к нему, и в целом неправомерными, но не правонарушениями.

Общее по отношению к непреступному уголовно-правовому деянию понятие правомерного поведения личности В.В. Оскамытный определяет как обусловленную ее культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом деятельность в сфере социального действия права, основанную на сознательном выполнении его целей и требований, которое выражается в их соблюдении, исполнении или использовании (Оскамытный, 1990. С. 13). Такое понимание правомерного поведения действительно выступает общим по отношению к значительной части непреступных уголовно-правовых деяний, за исключением, пожалуй, поведения невменяемого. Даже при невиновном причинении вреда в любой его разновидности сознательно-волевые усилия субъекта направлены на правомерные цели и объекты, а вред причиняется независимо от сознания и воли. К общественно опасному поведению невменяемого лица возникают вопросы и на другом уровне абстракции, хотя в целом в общее по отношению к правомерному и неправомерному поведению понятие укладывается даже такое особенное.

Речь идет о понятии, которое занимает следующий уровень абстракции. Называют его либо «правовое поведение», либо «юридически значимое поведение», которое, в свою очередь, представляет собой разновидность, или, другими словами, особенное по отношению к понятию юридического факта. Предельно общим в предметной сфере юридической науки по отношению как к единичному преступлению, так и по отношению к единичному непреступному уголовно-правовому деянию будет выступать юридический факт.

Термин «правовое поведение» разрабатывал В.Н. Кудрявцев, и определял его следующим образом: это социально значимое поведение индивидуальных или коллективных субъектов, подконтрольное их сознанию и воле, предусмотренное нормами права и влекущее юридически значимые последствия (Кудрявцев, 1982. С. 41). Впрочем, ученый предлагает и разграничивать между собой правовое и юридически значимое поведение, что, на наш взгляд, кажется избыточным. Юридически значимое поведение определяет, например, В.Л. Кулапов: это урегулированное правом типичное социально значимое и сознательно-волевое поведение субъектов, влекущее юридически значимые последствия (Матузов, 2013. С. 567). По сути это термины-синонимы, за которыми скрывается одно и то же понятие. Наконец, ещё одно близкое по уровню абстракции понятие – юридический факт – определяется С.С. Алексеевым как конкретное жизненное обстоятельство, с которым нормы права связывают юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение правоотношений) (Алексеев, 2010. С. 336.). По наиболее традиционной классификации, юридические факты образуют либо поведение людей (действия), либо то, что таковым не является (события). Исходя из рассмотренной иерархии юридических понятий от единичного преступления и выше, можно за-

ключить, что любое преступление есть юридический факт, порождающий вполне определенные правовые отношения (в данном случае – уголовно-правовые отношения ответственности, хотя здесь он выступает в составе с обвинительным приговором суда). Соответственно, преступление должно обладать общими признаками юридического факта, и ни при каком условии не может рассматриваться как правоотношение. Юридический факт находится за пределами правоотношения, но при этом обладает способностью на него влиять, от порождения до прекращения.

Общее, особенное и единичное в понятии состава преступления. Сказанное влечет и ещё один немаловажный вывод. Все уголовно-правовые конструкции, так или иначе описывающие преступление, должны исходить из того, что они характеризуют юридический факт, а не, например, правоотношение или правовую норму. Соответственно, когда мы говорим, например, о ещё одной ветви уголовно-правовых понятий, а именно о составе преступления, то необходимо учитывать, что общим по отношению к нему выступает понятие «состав правонарушения», а ещё более общим – юридическая конструкция (Давыдова, 2009). Таким образом, все что касается состава преступления, принадлежит уже не к объективной, предметной, а к юридически конструируемой реальности.

Промежуточным звеном, особенным для юридической конструкции и общим для состава преступления, выступает понятие и конструкция состава правонарушения. Проблема только в том, что на сегодняшний день общетеоретическое понимание состава правонарушения, его подсистем и признаков мало чем отличается от уголовно-правовой конструкции состава преступления, различия протекают лишь в наполненности субъекта. Однако само понятие теорией права разрабатывается. Е.В. Грызунова, например, пишет, что состав правонарушения — научная абстракция, отражающая систему наиболее общих, типичных и существенных признаков (элементов) отдельных разновидностей правонарушений; эта система признаков необходимая и достаточная для привлечения правонарушителя к юридической ответственности (Грызунова, 2002). Интересное замечание, предваряющее определение понятия «состав правонарушения», высказывает Ю.А. Денисов: непосредственным предметом юридического анализа правонарушения с позицией общей теории права является его состав, т. е. эмпирически выделяемая структура правонарушения, фиксируемая посредством правовых определений в различных отраслях права и в понятийной системе наук, исследующих эти отрасли. То есть состав – это как бы другая сторона правонарушения, правонарушение и его состав не соотносятся как общее и особенное, они находятся несколько в другой диалектической взаимосвязи, возможно, во взаимосвязи явления и понятия о нем. Далее он пишет, что понятие состава правонарушения является общеправовым, выступает предметом интереса общей теории права, относится к исходному, первичному слою понятий общей теории права, описывающих и предварительно объясняющих феномены, исследуемые ею (Денисов, 1983. С. 81). Так или иначе, но с позиций общего, особенного и единичного, понятийная связка «юридическая конструкция – состав правонарушения – состав преступления» при всех нюансах с определением среднего понятия, может быть признана правомерной, в силу чего можно перейти к анализу состава преступления.

Определение состава преступления, даваемое А.Э. Жалинским, наиболее ярко, на наш взгляд, показывает связь понятия состава и юридической конструкции. «Состав преступления – это юридическая конструкция, представляющая собой упорядоченную совокупность признаков, содержащихся в уголовном законе и описывающих деяние как преступление, запрещенное нормами Особенной части УК РФ. Учение о составе преступления – это разработанные теорией уголовного права способы и приемы упорядоченного описания элементов преступления на основе признаков, содержащихся в уголовном законе» (Жалинский, 2013. С. 385.). Такая трактовка выражает инструментальную природу состава преступления и позволяет наиболее наглядно показать проявление категорий общего, особенного и единичного.

В учении о составе преступления с пози-

ций категорий общего, особенного и единичного особый интерес представляет не столько само понятие, хотя оно вполне вписывается в закономерности этих категорий, сколько одна из классификаций составов преступлений. В.Н. Кудрявцев, например, на такую классификацию составов не указывает, но она косвенно вытекает из его высказывания по поводу признаков состава: «В большинстве случаев признаки состава относятся к различным ступеням абстракции и нередко могут быть представлены в виде иерархической системы – «дерева» признаков, взаимосвязанных между собой и расположенных по «рангам» – от высшего к низшему» (Кудрявцев, 2010. С. 50). Этим уровням, или рангам, признаков, соответствуют уровни, или ранги конструкций составов, которые эти признаки объединяют.

Подробно такую классификацию составов преступлений рассматривает Н.А. Бабий. Речь идет об общем, родовом, видовом и конкретном составах преступлений. Ученый приводит немало вариантов терминологического обозначения названных видов (уровней) состава преступления. В качестве методологического основания такого деления Н.А. Бабий называет философские категории «общее – особенное» и формально-логические категории «род – вид». Важной представляется следующая мысль ученого: «Поскольку отражаемым множеством являются составы преступлений, постольку родовым для такого множества является понятие состава преступления как совокупности структурных элементов преступления. Это понятие отражает собой состав любого преступления, поскольку указывает на общие черты составов и не содержит в себе каких-либо различающих составы свойств, черт, признаков» (Бабий, 2019. С. 160). Получается, что общим будет выступать понятие состава преступления, а также соответствующая ему юридическая конструкция, объединяющая понятия элементов и признаков состава преступления.

Рассуждает Н.А. Бабий и о проявлении категории особенного в рассматриваемом вопросе. «Особенные черты для того, чтобы образовывать виды множества, должны принадлежать самим уровням множества. И если состав преступления – это совокупность структурных элементов преступления, то особенности следует искать исключительно в совокупности или в наборе элементов. По этой причине не могут образовывать виды составов особенности, принадлежащие самому преступлению» (Бабий, 2019. С. 161). Исходя из рассуждений Н.А. Бабия и в целом соглашаясь с ним, отметим, что здесь точнее говорить не о видах, а об уровнях состава преступления, как уровнях степени обобщения понятия состава преступления и понятий его элементов и признаков. Сказанное согласуется с категориальной природой общего, особенного и единичного как характеристик понятия, мышления, элементов субъективной диалектики, а не бытия (Гегель, 1972). Также надо учитывать, что, рассуждая об уровнях составов преступлений, мы имеем ввиду именно понятие состава, а не состав как уголовно-правовое явление, выступающее, в соответствии со ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности, поскольку ни по общему, ни по родовому составу преступления никого к ответственности привлечь нельзя, привлекается лицо к ответственности всегда только по той конструкции, которая закреплена в отдельной статье Особенной части УК, ее части или пункте. Однако изучение общего, родового понятия состава преступления позволяет лучше понять и глубже проанализировать структуру видового состава, закрепленного в статье Особенной части УК, а также облегчить задачу законодателю при конструировании составов преступлений, в силу чего в научных и технико-юридических целях смысл выделять уровни составов преступлений есть.

Самый высокий уровень абстракции в предметном поле уголовного права занимает общее понятие состава преступления и соответствующая ему общая юридическая конструкция состава преступления, которая исследуется и изучается в Общей части уголовного права. Она объединяет общие понятия элементов состава преступления – объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. В рамках каждого из этих элементов общей конструкции состава преступления принадлежат общие понятия признаков. Каждое такое понятие аккумулирует в

себе универсальные свойства, присущие данному признаку (например, деянию или вине) в любом составе преступления. Применительно только к этой же общей конструкции состава преступления имеет смысл классификация признаков состава на обязательные и факультативные, где обязательными считаются те, набор которых минимально необходим для любого состава преступления, чтобы считаться таковым, а факультативными – те, без которых конструкция состава может в принципе и обойтись, но если в рамках того или иного состава они присутствуют, то становятся для этого состава обязательными. В целом, поскольку в соответствии со ст. 73 УПК РФ все признаки состава преступления, и не только они, относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по каждому уголовному делу, все они являются обязательными и, как уже говорилось, факультативными и могут быть только в общей конструкции состава преступления.

Особенным здесь выступает т. н. понятие родового состава преступления. Родовой состав вызывает множество вопросов, далеко не всеми учеными выделяется и поддерживается, но существование в УК РФ ряда положений позволяет говорить, что на определенном уровне обобщения между общим понятием состава преступления и конструкцией состава преступления, составляющей суть конкретного уголовно-правового запрета, существует некое промежуточное звено, объединяющее признаки, присущие группе составов преступлений. Это, например, содержащийся в примечании 1 к ст. 158 УК РФ состав хищения, состав убийства, составы злоупотребления и превышения должностными полномочиями и т. п. По этим составам, разумеется, невозможно никого привлечь к ответственности, даже, например, ч. 1 ст. 105 УК РФ предусматривает не общий состав убийства, а состав простого убийства, без смягчающих и отягчающих обстоятельств, но с технико-юридических позиций, в частности, с точки зрения экономии законодательной материи, существование таких родовых понятий составов вполне оправдано. При этом по отношению к видовым составам, закрепленным конкретными нормами, родовой состав с диалектической точки зрения будет выступать общим.

Соответственно, видовой состав по отношению к родовому – особенное. С точки же зрения юридической конструкции состава преступления, видовой состав – единичное понятие. Вчитаемся в формулировку ст. 8 УК РФ: основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Традиционно принято считать, что согласно этой статье состав преступления – единственное основание уголовной ответственности. Но это утверждение не вполне корректно с точки зрения теории юридической ответственности, и самое главное – ничего подобного в тексте ст. 8 УК РФ не записано. Теория юридической ответственности знает два основания как явления субъективного права – правовое и фактическое. Правовое в то же время включает в себя нормативное основание – норму права, устанавливающую запрет и санкцию за его нарушение, и организационное, или правоприменительное – акт применения права, в котором сформулирован объём ответственности конкретного лица, нарушившего запрет. Фактическое основание – юридический факт правонарушения (Кузьмин, 2013. С. 30–38). В этом смысле первая часть нашего утверждения корреспондирует второй: в формулировке ст. 8 УК РФ отражено не одно, а все основания уголовной ответственности как явления субъективного права. Фактическое основание – совершение деяния, правоприменительное основание – деяние должно содержать все признаки состава преступления (что устанавливается приговором суда), нормативное основания – состав преступления должен быть предусмотрен УК РФ. Отсюда вытекает и другое утверждение: состав преступления – это то, что предусмотрено уголовным законом, а в конкретном преступлении содержатся только его признаки, то есть, состав преступления – это область права, он предусмотрен там, а преступление, т. е. деяние, содержащее признаки состава – область факта.

По этой причине, строго говоря, состава преступления как явления объективной действительности или, другими словами, физи-

ческой реальности, не существует. В жизни существует преступление, и в его свойствах и характеристиках содержатся признаки, которые уголовным законом описаны как признаки состава преступления. Сам же состав, даже на самом низком уровне абстракции – это всегда определенного рода обобщение, он всегда содержит признаки (причем, наиболее типичные, повторяющиеся и часто встречающиеся) общественно опасного поведения определенного вида. Таковым он является в силу природы правовой нормы как нормативного правила поведения. Поэтому состав преступления и преступление не могут рассматриваться с позиций категорий общего, особенного и единичного, а должны трактоваться, как это подчеркивает, в частности, Ю.Е. Пудовочкин, как явление (преступление) и законодательное понятие о нем (состав преступления) (Пудовочкин, 2009. С. 7).

Несмотря на то, что состав преступления всегда результат определенного обобщения, тот состав, который предусмотрен конкретной уголовно-правовой нормой, вполне может рассматриваться как единичный. В таком случае вся диалектическая цепочка состава преступления будет выглядеть следующим образом: общее – общая конструкция состава преступления; особенное – конструкция родового (группового) состава преступления; единичное – конструкция состава преступления, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой; или упрощенно и условно – общий состав, родовой состав и единичный состав преступления.

Интересна также классификация составов на составы со специальным субъектом и общие составы преступлений (Жалинский, 2011. С. 364). Н.А. Бабий говорит об общих и специальных составах преступлений. «Общим является состав единичного преступления определенного вида, из которого законодатель в целях дифференциации ответственности на основе специального признака выделил самостоятельный состав, именуемый в связи с этим специальным. Соотношение общего и специального составов состоит в том, что общий охватывает собой все возможные проявления определенного преступления, кроме его специальных видов, а специальный – только узкую часть этого круга или специальные виды этого преступления. Специальный состав содержит в себе все признаки основного состава и дополнительно – специальный признак» (Бабий, 2019. С. 337). А.А. Тер-Акопов предлагает собственное видение проблемы общих и специальных составов. По его мнению, «специальный состав преступления – это совокупность закрепленных отдельными уголовно-правовыми нормами признаков, характеризующих содержание и структуру преступлений, посягающих на специальные сферы общественных отношений, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства» (Тер-Акопов, 2003. С. 148). В таких составах, по мнению Тер-Акопова, специальный характер имеют все элементы, т. е. специальные субъекты посягают на специальные объекты путем специальной объективной стороны. Н.А. Бабий критикует эту классификацию и утверждает, что в данном случае речь идет о составах преступлений с общими субъектами и о составах преступлений со специальными субъектами. В целом, вопросы вызывает как сама классификация составов на общие и специальные, проводимая А.А. Тер-Акоповым, так и ее критика, равно как и видение общих и специальных составов, предложенное самим Н.А. Бабием, поскольку оно очень близко по смыслу делению норм на общие и специальные. Но с позиций диалектики общего, особенного и единичного хотелось бы отметить следующее.

Общие составы понимаются в классификации А.А. Тер-Акопова и его последователей как составы, предусматривающие посягательство общего субъекта на отношения, на которые может посягнуть общий субъект, специальные же составы – особые группы отношений, вред которым общий субъект причинить не может, поскольку находится за их рамками, а причиняет только специальный субъект (сюда относят, например, воинские преступления). Но в такой интерпретации общие и специальные составы не соотносятся как общее и особенное, поскольку особенное по сути своей включает в себя все признаки общего, и ряд собственных признаков. Здесь общие и специальные составы вообще, на наш взгляд, никак между собой не со-

относятся, поскольку проблематично выделять общие отношения и специальные как объект охраны и объект посягательства. В этой связи необходимо согласиться с той интерпретацией общих и специальных составов, которая предлагается Н.А. Бабием, равно как и с тем, что классификацию составов на общие и специальные, предложенную А.А. Тер-Акоповым и поддержанную С.С. Аветисяном, правильнее назвать классификацией составов с общим и специальным субъектом, с оговоркой, что специальные составы образованы не всяким специальным субъектом, а только таким, который посягает на общественные отношения с особым правовым режимом – отношения в сфере государственной власти, военной службы, специальной безопасности и т. п., поскольку ряд составов со специальным субъектом авторы данной классификации относят к общим. В этом есть значительное рациональное зерно, проблема в том, что сам законодатель такого четкого размежевания составов не придерживается. Возможно с точки зрения криминологии, где выделяется общеуголовная корыстная и корыстно-насильственная преступность и иные её виды, такое деление и имело бы смысл. С позиций же уголовного права более точным представляется деление составов на общие и специальные, близкое к делению норм на общие и специальные. Такое деление, помимо прочего, будет выступать и ещё одним проявлением категорий общего, особенного и единичного в уголовном праве.

Заключение

Подводя итог краткому анализу уголовно-правового понятия «преступление», с точки зрения категорий общего, особенного и единичного, индуктивно можно выстроить следующую цепочку: единичное преступление – видовое преступление – родовое преступление (условные понятия) – общее понятие преступления – правонарушение – неправомерное поведение – юридически значимое поведение – юридический факт. Для того чтобы определение в процессуальных документах единичного преступления было бы диалектически верным и научно обоснованным, нужно по меньшей мере учитывать всю эту цепочку и если, например, это юридический факт, от воли людей не зависящий (событие), то он не может быть и преступлением. Так эта система работает, по крайней мере, на первый взгляд. Также как и разновидность объективно противоправного деяния не должна признаваться законом преступлением, преступление должно быть описано так, чтобы там нашлось место вине субъекта, чтобы юридически значимые обстоятельства его совершения могли быть отражены сознанием и волей субъекта. Аналогичную цепочку можно построить и для непреступных уголовно-правовых деяний.

Если говорить о составе преступления, то этот инструмент применения уголовно-правовых норм будет восприниматься в соответствии с его сущностью и назначением, и появится шанс снять вопрос о целесообразности его существования (Козлов, 2004) тогда, когда он будет рассматриваться не сам по себе, а как частный единичный случай юридической конструкции. Конструктивная и инструментальная сущность состава преступления не отвечает на вопрос "что это". Она отвечает на вопрос "зачем это". Если мы сможем ответить на этот вопрос, нам не нужно будет определять онтологический статус состава преступления. Учет закономерностей диалектики общего, особенного и единичного в силах решить вопрос о праве состава преступления быть категорией уголовного права.

Список литературы / References

Алексеев С.С. Проблемы теории права. М.: Статут, 2010. Т. 3.
Alekseev S.S. (2010) Issues of legal theory. Moscow: Statut. Vol. 3. (In Russ.)

Бабий Н.А. Учение о структуре и составе преступления. М.: Юрлитинформ, 2019.
Babii N.A. (2019) The doctrine of the structure and composition of the crime. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Блинников В.А. Понятие и юридическая природа обстоятельств, исключающих преступ-

ность деяния // Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 7: Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Издание профессора Малинина, 2007.
Blinnikov V.A. (2007) The concept and legal nature of the circumstances excluding the crime. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. V 35 t. T. 7: Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniy = Encyclopedia of Criminal Law. In 35 v. T. 7: Circumstances excluding the criminality of the act.* Saint Petersburg: Izdanie professora Malinina. (In Russ.)

Гарбатович Д.А. Квалификация непреступных уголовно-правовых деяний. М.: Юрлитинформ, 2017.
Garbatovich D.A. (2017) Qualification of non-criminal offenses. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Гегель Г.В.Ф. Субъективная логика или учение о понятии. М.: Мысль, 1972. Т. 3.
Gegel' G.V.F. (1972) Subjective logic or the doctrine of the notion. Moscow: Mysl'. Vol. 3. (In Russ.)

Гогин А.А. Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2016.
Gogin A.A. (2016) Offense: general theoretical, cross-sectoral and sectoral aspects. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Грызунова Е.В. Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении. Саратов, 2002.
Gryzunova E.V. (2002) Offense and legal liability in their correlation. Saratov. (In Russ.)

Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.
Davydova M.L. (2009) Legal technique: problems of theory and methodology. Volgograd: Volgograd State University. (In Russ.)

Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Ленинград: Изд-во ЛГУ им. Пушкина, 1983.
Denisov Yu.A. (1983) General theory of offense and responsibility (sociological and legal aspects). Leningrad: Pushkin Leningrad State University. (In Russ.)

Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск: Изд-во ТГУ, 1999.
Eliseev S.A. (1999) Crimes against property under the criminal law of Russia (theoretical issues). Tomsk: Tomsk State University. (In Russ.)

Жалинский А.Э. Уголовное право. М.: Городец, 2011.
Zhalinskii A.E. (2011) Criminal law. Moscow: Gorodets. (In Russ.)

Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2013.
Zhalinskii A.E. (2013) Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Землюков С.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.
Zemlyukov S.V. (2005) Circumstances precluding the criminality of the act. Barnaul: Altai State University. (In Russ.)

Зинченко И.А. Единые (единичные) и составные преступления // Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 3: Понятие преступления. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005.
Zinchenko I.A. (2005) Single and divisible crimes. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. V Vol. 35. Vol. 3. Ponyatie prestupleniya = Encyclopedia of Criminal Law*. In 35 t. T. 3: The concept of crime. Saint Petersburg: Izdanie professora Malinina. (In Russ.)

Ивлев Ю.В. Логика. М.: Изд-во Проспект, 2020.
Ivlev Yu.V. (2020) Logics. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Изд-во Мысль, 1972.
Kerimov D.A. (1972) Philosophical issues of law. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2004.
Kozlov A.P. (2004) The concept of crime. Saint Petersburg:Yuridicheskii tsentr Press. (In Russ.)

Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2011.
Kozlov A.P., Sevast'yanov A.P. (2011) Single and multiple crimes. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press. (In Russ.)

Коробеев А.И. Преступления в сфере экономики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. Том 2.
Korobeev A.I. (2008) Economic Crimes. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press. Vol. 2. (In Russ.)

Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Изд-во Наука, 1982.
Kudryavtsev V.N. (1982) Legal behavior: norm and pathology. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Кудрявцев В.Н., Келина С.Г.. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М.: Изд-во Наука, 1987.
Kudryavtsev V.N., Kelina S.G. (1987) Criminal law. Experience in theoretical modeling. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Кудрявцев В.Н. Состав преступления // Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 4: Состав преступления. СПб.: Издание профессора Малинина, 2010.
Kudryavtsev V.N. (2010) Corpus delicti. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. V 35 t. T. 4. Sostav prestupleniya = Encyclopedia of Criminal Law. In 35 vol. T. 4: Corpus delicti*. Saint Petersburg: Izdanie professora Malinina. (In Russ.)

Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013.
Kuz'min I.A. (2013) Legal responsibility and its implementation. Irkutsk: Irkutsk State University. (In Russ.)
Куликов Е.А. Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретические вопросы // Общие и специальные нормы уголовного права РФ, квалификация преступлений и назначение наказания. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2020.
Kulikov E.A. (2020) Dialectics of the general, the particular and the singular in law: theoretical issues. *Obshchie i spetsial'nye normy ugolovnogo prava RF, kvalifikatsiya prestuplenii i naznachenie nakazaniya = General and special norms of criminal law of the Russian Federation, the classification of crimes and imposition of punishment*. Barnaul: Altai State University. (In Russ.)

Куликов Е.А. Теория юридической ответственности (проблемные вопросы). Барнаул: Изд-во Новый формат, 2016.
Kulikov E.A. (2016) The theory of legal responsibility (problematic issues). Barnaul: New format. (In Russ.)

Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика. М.: Изд-во Юрлитинформ, 2018.
Lopashenko N.A. (2018) Investigation of murders: law, doctrine, jurisprudence. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Лопашенко Н.А. Общая характеристика преступлений против собственности. Понятие, формы и виды хищений // Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 18: Преступления против собственности. СПб.: Издание профессора Малинина, 2011.
Lopashenko N.A. (2011) General characteristics of crimes against property. Concept, forms and types of theft. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. V 35 t. T. 18*: *Prestupleniya protiv sobstvennosti = Encyclopedia of criminal law*. In 35 vol. T. 18: Crimes against property. Saint Petersburg: Izdanie professora Malinina. (In Russ.)

Матузова Н.И., А.В. Малько. Теория государства и права. М.: Норма, 2013.
Matuzova N.I., Mal'ko A.V. (2013) Theory of State and Law. Moscow: Norma. (In Russ.)

Оскамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы). Киев, 1990.
Oskamytnyi V.V. (1990) Legal behavior of the individual (theoretical and methodological problems). Kiev. (In Russ.)

Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
Parkhomenko S.V. (2004) Acts, the criminality of which is excluded by social utility and necessity. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press. (In Russ.)

Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. М.: Юрлитинформ, 2010.
Pudovochkin Yu.E. (2010) The doctrine of crime. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. М.: Юрлитинформ, 2009.
Pudovochkin Yu.E. (2009) Doctrine about the body of evidence. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Сырых В.М. История и методология юридической науки. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
Syrykh V.M. (2012) History and methodology of legal science. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russ.)

Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: Юркнига, 2003.
Ter-Akopov A.A. (2003) Crime and problems of non-physical causality in criminal law. Moscow: Yurkniga. (In Russ.)

Сведения об авторе

Куликов Егор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61, Россия,
✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Information about the author

Egor A. Kulikov, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department of Altai State University, 61 Lenin Avenue, Barnaul, 656049, Russia,
✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Contribution of the authors

The author has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.10.2020; одобрена после рецензирования 03.11.2020; принята к публикации 12.11.2020.

Information about the article

The article was submitted 15.10.2020; approved after reviewing 03.11.2020; accepted for publication 12.11.2020.